Пусть идет снег (сборник)

Автор:
Лорен Миракл

Пусть идет снег (сборник)

Морин Джонсон

Джон Грин

Лорен Миракл

Пусть идет снег

Лучшие и незабываемые Джон Грин, Морин Джонсон и Лорен Миракл дарят вам все волшебство новогодних праздников в веселых, очаровательных рассказах о любви, снежной метели и поцелуях, которые заставят ваше сердце биться чаще!

Неожиданный снежный буран в канун Рождества застает жителей Грейстауна врасплох: поезда останавливаются, машины вязнут в снегу, а люди стараются переждать непогоду дома. И лишь храбрая девушка выбирается из застрявшего в снегу экспресса, чтобы посидеть в тишине маленькой закусочной, где выпекают вафли. Она и не догадывается, что ее поступок стал первым звеном в цепи событий, которые изменят многие жизни: одна девушка влюбится в очаровательного незнакомца, трое друзей выиграют гонку в «Вафельную», а судьба карликовой свиньи окажется в руках влюбленного баристы…

Джон Грин, Морин Джонсон, Лорен Миракл

Пусть идет снег (сборник)

«The Jubilee Express» copyright © Mercury Girl, Inc. 2008

«A Cheertastic Christmas Miracle» copyright © John Green, 2008

«The Patron Saint of Pigs» copyright © Lauren Myracle, 2008

© Перевод. Зайцев А. Н., 2015

© Перевод. Федорова Ю. А., 2015

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Морин Джонсон

Джубили-экспресс

Для Хэмиша, научившего меня кататься с горки: «Быстро-быстро съезжаешь и поворачиваешь, если видишь что-то на пути».

Для всех, кто работает за монолитным фасадом огромных корпораций.

Для всех, кому три тысячи раз на дню приходится повторять «Гранде латте».

Для всех, кому приходилось иметь дело с неработающей кассой в праздники…

Для вас.

[глава первая]

Это было в ночь перед Рождеством.

Точнее, в вечер перед Рождеством. Стойте. Я лучше сразу скажу, пока мы не погрузились в гущу событий. А то всплывет потом, и вы ни о чем другом думать уже не сможете, знаю же.

В общем, меня зовут Джубили Дугал. Вдумайтесь. Юбилей. Видите? Если сразу сказать, то не так уж страшно, правда? А представьте только, как бы вы растерялись, если б я посередине истории вдруг заявила: «Кстати, меня Юбилей зовут!»

Джубили – имечко для стриптизерш, это я сама понимаю. Вы, наверное, подумали, что я этим балуюсь. Но нет. Видели б вы меня – сразу бы поняли (надеюсь), что никакая я не стриптизерша. Мне шестнадцать. Волосы у меня черные, стрижка каре. Я ношу то линзы, то очки. Пою в хоре, участвую в олимпиадах по математике и играю в хоккей на траве, а от этого грациозной не станешь и маслом потом не намажешься. Так что я не стриптизерша. А если вдруг вы – стриптизерша, то не волнуйтесь, у меня к вам никаких претензий. Жалко только: вы же латекс носите, а в нем кожа совсем не дышит!

А вот что меня бесит, так это мое имя. Юбилей. Юбилей – это вообще ни фига не имя, это какой-то там праздник. Какой – никому не известно. Вы слышали хоть раз, чтобы кто-нибудь закатывал юбилей? И пошли бы сами на такой праздник? Я бы не пошла. Юбилей – это же когда везде гирлянды развешиваешь, заказываешь какую-нибудь здоровенную надувную штуку для гостей, а потом не знаешь, куда девать мусор. Ну, или что-то вроде сельских танцев.

Но в этой истории мое имя очень важно. Случилась она, как я уже говорила, в вечер перед Рождеством. Это был восхитительный вечер. Экзамены я сдала, начались зимние каникулы. Я сидела дома одна, и было очень уютно. Я надела все, на что долго копила: черную юбку, колготки, красную футболку с блестками и новые черные сапожки, – и сделала себе яичный коктейль. Все подарки были уже упакованы. В шесть часов я должна была быть на Большом Рождественском Шведском Столе, который каждый год устраивала семья Ноя.

Ной – это Ной Прайс, мой бойфренд. А ежегодный Большой Рождественский Шведский Стол Прайсов – очень важное для нас событие. Если бы не он, мы бы не были вместе.

До Шведского Стола Ной был звездой на моем небосклоне: привычной, знакомой, яркой и далекой. Я знала его с четвертого класса, но как знала – я ведь и людей из телика тоже знаю: имя знакомое, сериал видела. Конечно, Ной был рядом, а те, из телевизора, далеко, но так почему-то всегда бывает: тот, кто рядом, кажется недоступней любой знаменитости. Рядом – еще не значит близко.

Он мне всегда нравился, но не в смысле нравился-нравился. Мне всегда казалось, что влюбляться в него неразумно. Он был на год старше меня и на тридцать сантиметров выше. Широкоплечий, ясноглазый, длинноволосый. Все при нем: отличник, спортсмен, школьный староста. Такие мальчики обычно встречаются только с моделями, шпионками или отличницами, в честь которых потом называют школьные лаборатории.

Поэтому, когда в прошлом году Ной пригласил меня на Рождественский Шведский Стол, я была на седьмом небе от счастья и даже поверить не могла. Три дня голова кружилась от счастья так сильно, что я шаталась, и перед тем как пойти к нему домой, мне пришлось потренироваться ходить ровно. Я не знала, почему он меня пригласил: может, я ему нравилась, может, мама попросила (наши родители были знакомы), а может, просто кому-нибудь проспорил. Все мои друзья радовались за меня, но им явно было известно что-то, что для меня оставалось тайной. Они уверяли, что Ной разглядывал меня на олимпиаде по математике, смеялся над моими шутками про тригонометрию и все время говорил обо мне.

Это было невероятно… как будто обо мне книгу написали!

Оказавшись наконец в доме Ноя, мне пришлось весь вечер сидеть в уголке и разговаривать с его сестрой. Она мне, конечно, нравится, но по правде – сущая дурочка. Я про шмотки долго трепаться не умею, разговор быстро сходит на нет. Зато Элиза способна трещать о них без умолку, и о каждой у нее есть Свое Мнение. Я от нее еле отвязалась: мама Ноя принесла очередную тарелку, и я сказала: «Ой, какая вкуснятина», хотя понятия не имела, что это было. Оказалось, соленая рыба. Я отшагнула назад, но мама Ноя сказала:

– Попробуй кусочек.

Я попробовала, как послушная овечка. И на этот раз оказалось, что не зря. Именно тогда я заметила, что Ной за мной наблюдает. Он сказал:

– Я очень рад, что ты попробовала.

Я спросила его, почему он рад, так как подозревала, что все дело в каком-нибудь пари («Ну ладно, попрошу ее прийти, но если заставлю ее съесть соленую рыбу, с вас двадцать баксов»).

И он ответил:

– Потому что я сам ее ел.

Я стояла и смотрела на него, и на моем лице, должно быть, красовалось очаровательное выражение абсолютной тупости, поэтому Ной добавил:

– И я бы не мог тебя поцеловать, пока ты ее тоже не попробуешь.

Это было одновременно жутко противно и жутко романтично. Он мог бы пойти наверх почистить зубы, но выжидал около рыбы, пока я ее не попробую. Мы незаметно ускользнули, уединились в гараже и целовались там под полкой с инструментами.

Так все и началось.

Так вот, то Рождество, о котором я вам собираюсь рассказать, было не обычным: это была наша первая годовщина. Невозможно было поверить, что мы уже целый год вместе. Как же быстро он пролетел…

Понимаете, Ной всегда ужасно занят. Когда он появился на свет, маленький, розовый, ерзающий, его наверняка тут же отпустили из роддома, потому что он торопился на встречу. Теперь он был старшеклассником, футболистом и президентом школьного ученического совета, и свободного времени у него почти не оставалось. За весь тот год, что мы встречались, мы только раз двенадцать выходили куда-то вместе. Всего дюжина настоящих свиданий, примерно раз в месяц.

Зато на всевозможных мероприятиях мы появлялись вместе постоянно. Ной и Джубили на студенческой распродаже выпечки! Ной и Джубили на розыгрыше футбольной лотереи! Ной и Джубили организуют встречу выпускников! Ной и

Джубили на благотворительной акции в пользу голодающих, Ной и Джубили в зале для внеклассных занятий…

Ной, конечно, помнил об этом. И хотя сегодня ожидался семейный праздник с множеством гостей, он пообещал мне, что мы сможем остаться наедине, и сказал, что заранее обо всем позаботился. Если мы проведем на вечеринке всего два часа, обещал он, то потом уединимся в другой комнате, обменяемся подарками и будем смотреть вместе «Гринча, который украл Рождество». Он отвезет меня домой, мы ненадолго остановим машину и…

А потом моих родителей арестовали, и все пошло кувырком.

Вы знаете, что такое Деревня Санта-Флоби? Деревня Санта-Флоби – такая важная часть моей жизни, что мне все время кажется, будто все уже знают, что это такое, но мне недавно сказали, что я много всего воображаю, так что я объясню.

Деревня Санта-Флоби – это набор керамических домиков, которые вместе составляют деревню. Мои родители начали коллекционировать их, когда родилась я. На эти малюсенькие мостовые я смотрю с тех пор, как научилась стоять без помощи. У нас есть все – леденцовый мостик, озеро Бесснежное, магазин жвачки, пряничная пекарня, Сливовая аллея. В общем, немаленькая деревня получилась.

Мои родители купили специальный стол, чтобы ставить на него домики, и каждый год со Дня благодарения до новогодней ночи он занимает центр нашей гостиной. Для того чтобы подключить всю деревню, нужно целых семь удлинителей. Чтобы не жечь электричество зря и не вредить природе, я уговорила родителей отключать домики на ночь, но мне пришлось долго с ними спорить.

Мне дали имя в честь домика № 4 – домика, который называется Джубили-Холл. Джубили-Холл – самый большой во всем наборе. Там изготавливают и упаковывают подарки. В домике есть цветные огоньки, работающий конвейер с прикрепленными к нему подарками и маленькие эльфы, которые поворачиваются, будто бы сгружая подарки с ленты.

К рукам каждого из эльфов подарок был намертво приклеен, поэтому они напоминали измученных рабов, обреченных поднимать и опускать одно и то же до скончания времен – или пока мотор не сломается.

Я помню, как в детстве сказала об этом маме, и она ответила, что я ничего не понимаю. Может быть. Мы явно по-разному смотрели на ситуацию, если учесть, что для мамы эти домики были так важны, что она назвала свою единственную дочь в честь одного из них.

Все коллекционеры домиков на них немного помешаны. Они устраивают съезды, у них есть примерно дюжина серьезных сайтов и четыре журнала. Некоторые из них оправдываются тем, что домики «Флоби» – это выгодное вложение денег. И они действительно стоят больших денег. Особенно те, что пронумерованы. Эти домики можно купить только в выставочном зале «Флоби» на Рождество. Мы живем в Ричмонде, штат Вирджиния, километрах в ста оттуда, поэтому каждый год двадцать третьего декабря мои родители нагружают машину стульями, одеялами и едой и едут туда, чтобы сидеть всю ночь в очереди и ждать.

Раньше фирма «Флоби» выпускала по сто пронумерованных домиков в год, но в прошлом году выпустила всего десять. Тут-то и начались проблемы. Даже сотни домиков было мало, но когда их стало в десять раз меньше, полетели клочки по закоулочкам. В прошлом году покупатели поссорились из-за мест в очереди, и ссора быстро переросла в драку: люди принялись бить друг друга по головам свернутыми в трубочку каталогами «Флоби», бросаться коробочками с печеньем, топтать чужие складные стулья и обливать колпаки Санта-Клауса на головах друг друга теплым какао. Драка была такая жуткая и глупая, что ее даже показали в местных новостях. В фирме «Флоби» сказали, что они «принимают меры», чтобы этого никогда больше не повторилось, но я в это не верила. Такое с помощью денег не предотвратишь.

Но я не думала об этом, когда мои родители уехали, чтобы занять очередь за домиком № 68, «Отель эльфов». И не думала об этом, когда пила латте с яичным коктейлем, дожидаясь, когда придет время идти к Ною. Но то, что родители задержались, я заметила. Обычно под Рождество они возвращались из поездки за домиками к обеду, а было уже почти четыре часа. Чтобы занять руки, я решила подготовиться к праздникам.

Я не могла решиться позвонить Ною, зная, что он занят подготовкой Шведского Стола. Поэтому я украсила приготовленные для него подарки ленточками и

остролистом, сделав еще наряднее, чем прежде. Я включила всю Деревню Санта-Флоби, и порабощенные эльфы принялись за работу. Я включила рождественские песни. Я вышла на улицу, собираясь включить гирлянду, украшавшую наш дом, но увидела, что к нему походкой штурмовика из «Звездных войн» приближается Сэм.

Сэм был нашим адвокатом – и когда я говорю «нашим адвокатом», я имею в виду «нашим соседом, случайно оказавшимся влиятельным адвокатом из Вашингтона». Сэм – именно тот человек, к которому обращаются, если хотят побороться с огромной корпорацией или выиграть иск на миллиард долларов. Но он уж точно не мистер Няша. Только я собралась пригласить его войти и угоститься гоголем-моголем, как он меня перебил.

– У меня плохие новости, – сказал он, приглашая меня войти в мой собственный дом. – На фирме «Флоби» произошло еще одно чрезвычайное происшествие. Заходи. Пойдем.

Он говорил таким тоном, что я подумала, он сейчас скажет, что моих родителей убило. Я представила, как сотни «Отелей эльфов» слетают с конвейера, убивая всех подряд. Я видела «Отель эльфов» на фотографиях – у него были острые леденцовые шпили, которые легко могут проткнуть человека насквозь. И если кого-то и могло убить «Отелем эльфов», то уж точно моих родителей.

– Их арестовали, – сказал Сэм. – Они в тюрьме.

– Кто в тюрьме? – спросила я, потому что до меня всегда доходит как до жирафа и мне гораздо проще представить, что родителей убило летающим «Отелем эльфов», чем то, что их увели куда-то в наручниках.

Сэм молча смотрел на меня, ожидая, когда я сама пойму, кто в тюрьме.

– Утром случилась еще одна драка из-за домиков, – объяснил он, выдержав паузу. – Перепалка из-за места в очереди. Твои родители в ней не участвовали, но не подчинились приказу, когда полиция велела собравшимся разойтись. Арестовали пятерых, в том числе твоих родителей. Это по всем каналам показывают.

Я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги, и села на диван.

– Почему они не позвонили? – спросила я.

– У них есть право только на один звонок, – сказал он. – Они позвонили мне, потому что решили, что я могу их выручить. А я этого сделать не могу.

– Как это – не можете?

Я не могла поверить, что Сэм не может вызволить моих родителей из какой-то провинциальной тюрьмы. Представьте, что пилот вашего самолета вдруг заявляет: «Всем привет. Я тут вспомнил, что не умею приземляться. Так что мы полетаем, пока кому-нибудь не придет в голову идея получше».

– Я сделал все что мог, – продолжил Сэм, – но судья не идет на уступки. Ему самому надоели протесты на фирме «Флоби», поэтому он хочет, чтобы этот процесс стал показательным. Твои родители велели мне отвезти тебя на вокзал. У меня на это есть час времени, в пять меня ждет горячее печенье и застольные песни в кругу семьи. Как быстро ты сможешь собраться?

Все это было сказано тем же жутко серьезным тоном, каким Сэм спрашивает у обвиняемых, почему они скрылись с места преступления с окровавленными руками.

Было ясно, что он вовсе не рад тому, что все это свалилось ему на голову под Рождество. Но немного сочувствия в стиле Опры мне бы не помешало.

– Собрать вещи? Вокзал? Чего?

– Ты поедешь во Флориду, к бабушке и дедушке, – сказал он. – Билет на самолет купить не получилось, рейсы отменяются из-за метели.

– Какой еще метели?

– Джубили, – очень медленно проговорил Сэм, явно решив, что я самый большой тормоз на планете, – скоро начнется самая сильная метель за полвека!

Голова моя совсем не соображала – то, что он говорил, в ней не укладывалось.

– Мне нельзя уезжать, – сказала я. – Сегодня я должна быть у Ноя. И Рождество. Как же Рождество?

Сэм пожал плечами, как бы говоря, что адвокаты не занимаются Рождеством, и он с этим ничего поделать не может.

– Но… почему мне нельзя просто остаться здесь? Это же ужас!

– Родители не хотят на два дня оставлять тебя одну.

– Я могу пойти к Ною. Я должна к нему пойти!

– Послушай, мы обо всем уже договорились, – сказал он. – С твоими родителями сейчас связи нет. Они проходят регистрацию. Я купил тебе билет, и у меня мало времени. Тебе нужно собирать вещи, Джубили.

Я обернулась и посмотрела на мерцающую деревню, на тени обреченных эльфов, работавших в Джубили-Холле, на теплый свет в окнах кондитерской лавки миссис Маггинз и на эльфийский экспресс, медленно, но весело кативший по дорожке. И я не придумала ничего лучше, чем спросить:

– Но… как же деревня?

[глава вторая]

Я раньше ни разу не бывала в поездах. Этот был гораздо выше, чем я себе представляла, у него был второй этаж с окнами – наверное, это были спальные вагоны. Внутри толпились в полумраке люди, будто застывшие в сонном ступоре. Я ждала, что поезд запыхтит и рванется с места, как ракета, наверное потому, что в детстве кучу времени убила на мультики, а поезда в мультиках всегда так делают. Но этот поезд тронулся с места флегматично, как будто ему наскучило стоять на месте.

Как только поезд тронулся, я позвонила Ною. Конечно, я нарушила договор «до-шести-я-жутко-занят-так-что-не-звони-увидимся-на-празднике», но сейчас меня

можно было понять. Когда он ответил, из трубки послышались веселый шум, звон посуды и рождественские песни, которые печально контрастировали с теснотой и гудением поезда.

– Ли! – воскликнул он. – Ты немного не вовремя. Увидимся через час.

Он крякнул так, будто поднял что-то очень тяжелое, наверное, один из тех пугающе огромных окороков, которые его мама каждый раз где-то добывала к Шведскому Столу. Наверное, она заказывала их на какой-нибудь ферме, где свиней накачивают экспериментальными суперпрепаратами и обрабатывают лазерами, пока они не вырастают до десяти метров в длину.

– Ну… в том-то и дело. Я не приду, – сказала я.

– Как это не придешь? Что случилось?

Я все объяснила как могла: родители в тюрьме, на улице метель, я в поезде, и жизнь идет совсем не так, как я хотела. Я старалась говорить весело, как будто нахожу это забавным, но на самом деле просто не хотела рыдать в темном поезде, полном остолбеневших незнакомцев.

Ной снова крякнул. Похоже, он что-то перетаскивал с места на место.

– Все будет хорошо, – сказал он чуть погодя. – Сэм ведь уже взялся за дело?

– Если ты называешь делом невызволение моих родителей из тюрьмы, то да. Он даже не переживает за них.

– Это наверняка какая-нибудь маленькая районная тюрьма, – ответил он. – Все не так уж страшно. Если Сэм не переживает, значит, все будет хорошо. Мне очень жаль, что так случилось. Увидимся через пару дней, ладно?

– Да, но сегодня же Рождество, – сказала я.

Я охрипла и пыталась сдержать слезы. Он подождал, пока я успокоюсь.

– Я знаю, что тебе тяжело, Ли, – сказал он, выдержав паузу, – но все будет хорошо. Обязательно. Это дело житейское.

Я понимала, что он пытается успокоить и утешить меня. Но все равно – дело житейское? Нет, это не дело житейское. Дело житейское – это когда ломается машина, или когда живот болит, или искра от сломанной гирлянды поджигает траву во дворе. Я сказала об этом вслух, и он вздохнул, поняв, что я права. И снова крякнул.

– Что случилось? – всхлипнув, спросила я.

– У меня в руках здоровый окорок, – сказал он. – Мне нужно идти. Слушай, когда вернешься, мы еще раз отпразднуем Рождество. Мы найдем время, обещаю. Не волнуйся. Позвони мне, как доберешься, ладно?

Я пообещала, что позвоню, и он, повесив трубку, потащил куда-то окорок. Я уставилась на затихший телефон.

Встречаясь с Ноем, я сочувствовала женам и мужьям политиков. Ясно, что они хотят жить своей жизнью, но любят тех, кто рядом с ними. Поэтому машина известности стремительно засасывает и их самих – и вот они уже тупо улыбаются и машут на камеру, на голову им падают воздушные шары, а ассистенты толкают их локтями, пытаясь пробраться к Совершенной и Великолепной Второй Половине.

Я знаю, что на самом деле никто не совершенен, что под каждой маской совершенства скрывается извивающийся клубок потаенных печалей и уверток… но даже если это учесть, Ной был почти совершенен.

Я ни разу не слышала, чтобы о нем плохо отзывались. Его репутация была так же совершенна, как и его серьезность. Согласившись встречаться со мной, он показал, что верит в меня, и я тоже поверила в себя. Я почувствовала себя значительней, выпрямила спину, стала мыслить позитивней. Ему нравилось появляться со мной на людях, а значит, и мне нравилось появляться на людях с самой собой. Ну, если вы понимаете, о чем я.

Да, его вечная занятость иногда раздражала. Но я все понимала. Если нужно отнести маме громадный окорок, потому что к Шведскому Столу вот-вот

нагрянут шестьдесят гостей, – то без этого никак. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Я взяла iPod и принялась просматривать фотографии Ноя. Потом батарея разрядилась.

Мне стало так одиноко в этом поезде… это было странное, неестественное одиночество, полустрах-полугрусть, и оно вгрызалось в меня. Это было что-то вроде усталости, но такую усталость сон не берет. Было жутко темно, но мне казалось, что если зажжется свет, то это ничего не исправит. Разве только я смогу воочию убедиться, в каком скверном положении оказалась.

Я подумала, стоит ли мне звонить бабушке с дедушкой. Сэм сказал, что звонил им. Они уже знали о моем приезде и, конечно, с радостью поговорили бы со мной, но вот мне с ними говорить не хотелось. Бабушка с дедушкой у меня замечательные, но волнуются из-за любых мелочей. Например, если в магазине не оказывается пиццы или супа, за которыми они пришли, они полчаса стоят на месте и обсуждают, что им делать дальше. Если я им позвоню, придется обсуждать мой визит в мельчайших деталях. Какое мне нужно одеяло? Ем ли я крекеры? Дедушке купить шампунь? Это было очень мило с их стороны, но сейчас я бы ничего такого не выдержала. Я всегда считала, что любую проблему могу решить сама. А сейчас мне просто нужно отвлечься.

Я порылась в сумке, пытаясь понять, что успела захватить с собой перед тем, как впопыхах выбежала из дому, и обнаружила, что совершенно не готова к предстоящей дороге. Я схватила только все самое необходимое – нижнее белье, джинсы, два свитера, пару рубашек и очки. Еще iPod, который разрядился.

Книга у меня с собой была только одна, «Нортэнгерское аббатство», ее нам задали на зимние каникулы по литературе. Книжка хорошая, но не совсем то, чего хочется, когда чувствуешь нависшую над тобой страшную руку судьбы.

Поэтому я часа два просто смотрела в окно. Солнце село, конфетно-розовое небо стало серебряным, и полетели первые снежинки. Я понимала, что это красиво, но видеть красоту – это одно. Другое дело – когда тебе на красоту не плевать. А мне было плевать. Снег повалил сильнее и быстрее и скрыл за собой все. Осталась только белая пелена. Мело со всех сторон, даже от земли.

Я смотрела на снег до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Меня даже начало немного подташнивать.

По коридору шли люди с коробками с чипсами, колой и сэндвичами в руках. В поезде явно можно было где-то раздобыть еду. Сэм всучил мне пятьдесят долларов на вокзале, и все пятьдесят мои родители были обязаны вернуть ему сразу же, как только выйдут на свободу. Больше заняться было нечем, поэтому я прошла в вагон-ресторан, где мне сразу же сказали, что у них кончилось все, кроме пары пицц, двух маффинов, пары батончиков, пакетика орешков и какого-то уныло выглядящего фрукта. Я хотела похвалить буфетчика за то, что он хорошо подготовился к праздничному наплыву покупателей, но у парня на кассе был жутко усталый вид, и мой сарказм ему был ни к чему. Я купила пиццу, два батончика, маффины, орешки и кружку горячего шоколада, потому что подумала, что лучше запастись едой на предстоящую дорогу, и положила пять долларов в кружку кассира. Он кивнул мне в знак благодарности.

Я села в одно из свободных кресел у стены. Поезд замедлился, но все равно ужасно трясся. Ветер хлестал нас с обеих сторон. Я не притронулась к пицце и обожгла губы горячим шоколадом. Что ж, ни разговаривать с кем-то, ни целоваться я все равно не собиралась.

– Можно присесть? – спросил меня мужской голос.

Я подняла глаза и увидела потрясающе красивого парня. И хотя мне, в общем-то, было все равно, он впечатлил меня гораздо больше, чем снег. Волосы у него были такие же темные, как у меня, но длиннее, не до подбородка. Они были собраны в хвост. У него были высокие скулы, и он был похож на индейца. Его тонкая джинсовая курточка совершенно не согревала в такую погоду. И что-то тронуло меня в его глазах, которые как будто закрывались сами собой, – какое-то беспокойство. Он только что заказал себе кружку кофе и сосредоточенно сжимал ее в руках.

– Конечно, – сказала я.

Садясь, он склонил голову, но я заметила, что он косится на еду в моей коробке. Что-то подсказывало мне, что он намного голоднее меня.

– Угощайся, – сказала я. – Я как раз успела купить последнее, что у них осталось. Я не голодна. Пиццу я вообще не тронула.

Он противился, но я все же подтолкнула ее ему.

– Я понимаю, что она похожа на картонку, – добавила я. – Но больше у них ничего не было. Правда. Возьми.

Он улыбнулся уголком рта.

– Меня зовут Джеб, – сказал он.

– А меня – Джули, – ответила я.

Мне вовсе не хотелось отвечать на надоевшие вопросы.

«Джубили? Тебя зовут Джубили? Скажи, а чем вы пользуетесь – минеральным маслом или каким-нибудь ореховым? А шест после выступлений кто-нибудь протирает?»

Вспомните, что я вам объясняла в начале истории. Чаще всего меня зовут Джули. Ной звал меня Ли.

– Куда едешь? – спросил он.

У меня не было никакого прикрытия, никакой истории, которая объяснила бы, почему я здесь и что с моими родителями. А правда была все же слишком ужасна, чтобы открывать ее незнакомцу.

– К бабушке с дедушкой, – сказала я. – В последний момент поменяла планы.

– А где они живут? – спросил он, глядя на клубящийся снег, который бился в окно. Сказать, где кончалось небо и где начиналась земля, было невозможно.

Облако снега обрушилось прямо на нас.

– Во Флориде, – сказала я.

– Далеко. А я еду в Грейстаун, это следующая остановка.

Я кивнула. Про Грейстаун я слышала, но не знала, где точно он находится. Где-то на этой длинной, заснеженной дороге в неизвестность. Я снова предложила ему поесть, но он мотнул головой.

– Не нужно, – сказал он. – Но спасибо за пиццу. Я жутко проголодался. Неподходящий мы денек для путешествий выбрали. Хотя выбора у нас, в общем-то, не было. Иногда приходится делать то, в чем не уверен…

– И к кому же ты едешь? – спросила я.

Он снова опустил глаза и сложил вдвое тарелочку из-под пиццы:

– К своей девушке. Ну, вроде как девушке. Я хотел ей позвонить, но сигнала нет.

– У меня есть, – сказала я, вытащив свой телефон. – Возьми, я еще лимит не израсходовала.

Джеб взял телефон и широко улыбнулся. Когда он встал, я заметила, какой он высокий и широкоплечий. Если бы я не хранила верность Ною, то точно бы влюбилась. Он отошел примерно на метр в сторону и набрал номер у меня на глазах, но потом захлопнул телефон.

– Не берет, – сказал он, сел и вернул мне телефон.

– Значит, она тебе «вроде как девушка»? Ты сам еще не определился, встречаетесь вы или нет?

Я хорошо помню то время, когда мы с Ноем только начали встречаться и я еще сомневалась, могу ли я считаться его девушкой. Это было такое приятное волнение.

– Она мне изменила, – коротко ответил он.

Ой. Я все неправильно поняла. Совсем неправильно. И мне стало так жалко его, что кольнуло в груди.

– Она не виновата, – сказал он чуть позже. – Ну, то есть я тоже виноват. Я…

Я так и не расслышала, что случилось, потому что дверь в вагон открылась и заскрипела, совсем как Бикер – ужасный какаду, который жил в нашей школе, когда я училась в четвертом классе. Джереми Рич научил Бикера кричать слово «жопа». Бикер делал это с удовольствием, у него хорошо получалось. Так хорошо, что попугая было слышно через весь коридор в женском туалете. В конце концов Бикера переселили в учительскую, где, как я поняла, можно сколько угодно распушать перья и орать «жопа».

Но это был не Бикер. Это были четырнадцать девчонок-черлидерш в одинаковых обтягивающих трико с названием их группы на попе. (Наверное, в каком-то смысле это роднило их с Бикером.) На спине модной флисовой курточки у каждой было написано ее имя. Столпившись около бара, они вопили изо всех сил. Я очень, очень надеялась, что они не станут хором повторять «Божечки!», но Бог моих молитв не услышал – наверное, потому что слушал их.

– Здесь совсем нет белковой пищи, – сказала одна.

– Говорила я тебе, Мэдисон, надо было есть салат латук, пока была возможность, – откликнулась другая.

– Я думала, у них хоть куриная грудка будет!

К своему ужасу, я заметила, что обеих беседовавших девушек звали Мэдисон. Хуже того, троих из них звали Эмбер. Я чувствовала себя жертвой какого-то эксперимента по клонированию.

Некоторые из них обернулись. То есть повернулись к нам. Ко мне с Джебом. Ну ладно, на самом деле – к Джебу.

– Ох, жеесть! – сказала одна из Эмбер. – Худшая поездка в жизни! Ты снег видел?

А она смышленая, эта Эмбер. Что она заметит в следующий раз? Поезд? Луну? Смехотворные причуды человеческой судьбы? Собственную голову?

Ничего этого вслух я не сказала, потому что в мои планы не входила смерть от руки черлидерши. Эмбер все равно обращалась не ко мне. Она даже не знала, что я стою рядом. Она смотрела на Джеба. Было почти заметно, как ее механические зрачки берут его под прицел.

– Да, снег будь здоров, – вежливо ответил он.

– Мы едем во Флориду? – сказала Эмбер почему-то вопросительным тоном.

– Ну да, там, наверное, получше, – кивнул он.

– Ага, если доедем? У нас региональный чемпионат по черлидингу? Это плохо, потому что праздники ведь? Но мы Рождество заранее отпраздновали? Вчера?

Только теперь я заметила, что у каждой из них было что-то новенькое. Блестящие телефоны, нарядные браслеты и ожерелья, с которыми они играли, свежие маникюры, iPod’ы, которых я никогда раньше не видела.

Эмбер Первая села рядом с нами – на самый краешек кресла, сдвинув колени и вывернув пятки. Поза девушки, привык шей считаться самой очаровательной среди присутствующих.

– Это Джули, – сказал Джеб, представляя меня нашей новой подруге. Эмбер сказала, что ее зовут Эмбер, и принялась перечислять остальных Эмбер и Мэдисон. Конечно, кого-то из них звали по-другому, но для меня они все были Эмбер и Мэдисон. Мне казалось, что это недалеко от истины. В любом случае, оставался шанс, что я права.

Эмбер затараторила о чемпионате. У нее удивительным образом получалось одновременно разговаривать со мной и игнорировать меня. Кроме того, она мысленным сообщением повелела мне встать и уступить место ее соплеменницам. Но они и так заполонили собой весь вагон. Половина из них говорила по телефону, а другая половина истощала запасы воды, кофе и неизвестно откуда возникшего диетического печенья.

Я решила, что мне вовсе не это нужно для счастья.

– Я пойду к себе, – сказала я.

Но тут поезд неожиданно затормозил, и все одновременно повалились вперед, разбрызгивая во все стороны горячие и холодные напитки. Примерно минуту колеса возмущенно визжали на рельсах, а потом поезд остановился. Резко остановился. Я услышала, как валятся с полок чемоданы и падают пассажиры. Пассажиры вроде меня. Я повалилась на Мэдисон и обо что-то ударилась щекой и подбородком. Не знаю, что это было, – в ту самую секунду погас свет, и все вокруг испуганно охнули.

Я почувствовала, как чьи-то руки помогают мне встать, и не глядя поняла, что это Джеб.

– Ты цела? – спросил он.

– Да. Кажется.

Лампы сверкнули, а потом зажглись одна за другой. Несколько Эмбер жались к бару, словно ища там спасения. Весь пол был замусорен едой. Джеб поднял с пола то, что когда-то было его телефоном, а теперь распалось на две части; он держал его в ладони, как раненого птенчика.

Громкоговоритель затрещал. Из него раздался взволнованный голос, вовсе не похожий на тот невозмутимый командирский баритон, которым объявляли остановки.

– Дамы и господа, – сказал голос, – пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Проводник обойдет ваш вагон, чтобы удостовериться, что никто из пассажиров не получил травм.

Я прижалась к холодному окну, чтобы понять, что происходит. Мы остановились у какой-то широкой дороги вроде автострады. На другой ее стороне висела светящаяся желтая вывеска. Ее было сложно разглядеть из-за снега, но по цвету и форме я поняла, что это «Вафельная».

По снегу плелся железнодорожник с фонарем, заглядывавший под вагоны. В наш вагон вошла проводница и начала осматриваться по сторонам. Форменной шляпки у нее на голове не было.

– Что случилось? – спросила я, когда она дошла до нас. – Похоже, мы застряли.

Она наклонилась к окну и присвистнула.

– Мы никуда не едем, милая, – сказала она почему-то полушепотом. – Встали около Грейстауна. Рельсы дальше идут под гору, и их совсем замело. Может, к утру и вышлют подмогу. Кто его знает. Лучше зря не надеяться. Кстати, вы не ушиблись?

– Нет, все в порядке, – уверила ее я.

Эмбер Первая обхватила свое запястье.

– Эмбер! – воскликнула Эмбер Вторая. – Что случилось?

– Я запястье вывернула! – простонала Эмбер Первая. – Ужас.

– Как же ты будешь делать баскет-тосс?!

Шестеро черлидерш совершенно явно дали мне понять, что они хотят, чтобы я освободила им дорогу к раненой соплеменнице: они вознамерились усадить ее на мое место. Джеб затерялся в толпе. Свет погас, затем с шумом отключился обогреватель и снова заработал громкоговоритель.

– Дамы и господа, – произнес тот же голос, – в целях экономии мы произведем частичное отключение электроэнергии. Если у вас есть одеяла или свитеры, они вам пригодятся. Если вы нуждаетесь в тепле, мы постараемся сделать все, что в наших силах. Просим тех, у кого найдется лишнее одеяло, поделиться с соседом.

Я посмотрела сначала на желтую вывеску за окном, а потом на стайку черлидерш. У меня был выбор – остаться в холодном, темном остановившемся поезде или как-то исправить положение. И я решила взять в руки ситуацию, которая сегодня уже столько раз из моих рук вырывалась. Перейти через дорогу

и добраться до «Вафельной», должно быть, не так уж трудно. У них наверняка тепло и много еды.

Попытка не пытка. Ной наверняка одобрил бы мой план. Мой предусмотрительный план.

Я отыскала глазами Джеба и протиснулась к нему сквозь толпу Эмбер.

– Через дорогу есть «Вафельная», – сказала я ему. – Пойду проверю, открыто ли там.

– «Вафельная»? – переспросил Джеб. – Мы, наверное, за городом, у сороковой автострады.

– Ты с ума сошла? – сказала Эмбер Первая. – А если поезд уйдет?

– Не уйдет, – сказала я. – Мне проводница сказала. Мы на всю ночь здесь застряли. Там наверняка тепло, есть еда и свободное место, по которому можно ходить кругами. А чем еще заниматься?

– Мы можем порепетировать выступление, – тихим тоненьким голосом предложила одна из Мэдисон.

– Ты пойдешь одна? – спросил Джеб.

Я поняла, что он хочет пойти со мной, но Эмбер прижалась к нему так, как будто от него зависела вся ее жизнь.

– Ничего со мной не случится, – сказала я. – Это через дорогу. Оставь мне номер телефона и…

Он продемонстрировал свой сломанный телефон, напоминая о случившемся. Я кивнула и взяла рюкзак.

– Я ненадолго, – сказала я. – Я же должна вернуться, правда? Куда мне еще идти?

[глава третья]

Выглянув из холодного тамбура, в который уже намело скользкого снега из открытой двери, я увидела, что вдоль состава идут железнодорожники с фонариками. До меня им еще оставалось пройти несколько вагонов, поэтому я решила действовать.

Высокие, крутые металлические ступеньки были полностью покрыты смерзшимся снегом. К тому же между поездом и землей был зазор метра в полтора. Я сползла на нижнюю ступеньку, на голову мне сыпался снег. Собравшись с духом, я подалась вперед и упала на четвереньки, на тридцатисантиметровый слой снега. Промочила коленки, но ушиблась не сильно. Идти до «Вафельной» было недалеко – поезд стоял метрах в шести от дороги. Мне нужно было только перейти ее, но…

Но мне еще ни разу не приходилось переходить шестиполосную автостраду. Даже если мне бы подвернулась такая возможность, я бы решила, что это плохая идея. С другой стороны, машин совсем не было. Все вокруг было похоже на конец света, на новое начало, на крушение старого миропорядка.

На то, чтобы перейти автостраду, мне потребовалось минут пять, потому что дул жуткий ветер и снежинки летели прямо в глаза. Потом мне пришлось пересечь еще что-то. Еще одну дорогу, газон – не знаю что, сейчас все было скрыло белизной. Под снегом оказался бордюр, о который я споткнулась. Когда я добралась до двери, то была уже вся в снегу.

В «Вафельной» и в самом деле было тепло. Больше того – там было так жарко, что от окон шел пар и красивые праздничные аппликации почти что отклеились от стекла.

Из колонок доносились джазовые версии рождественских песен, веселые, как приступ аллергии. Пахло в основном моющим средством и подсолнечным маслом, но кое-что все-таки подавало надежду. Совсем недавно здесь жарили картошку с луком – вкусную.

Из кухни доносились голоса двоих мужчин, шлепки и смех. В самом дальнем углу сидела женщина, упивавшаяся собственным горем. Перед ней стояла пустая тарелка, усеянная окурками. Единственным из персонала был парень моего возраста, сторoживший кассу. Его длинная футболка с логотипом «Вафельной» была не заправлена, колючие волосы топорщились из-под низко надвинутого козырька. На бейджике было написано «Дон Кин». Когда я вошла, он читал комикс, но оторвался от него, и его глаза немного посветлели.

– Эй, – сказал он. – Ты замерзла.

Проницательное наблюдение. Я кивнула.

Дон Кин изнывал от скуки. Это слышалось в его голосе и было видно по тому, как он обреченно горбился над своей кассой.

– Сегодня все бесплатно, – сказал он. – Угощайся чем хочешь за счет шеф-повара и младшего менеджера. И повар, и менеджер – я.

– Спасибо, – сказала я.

Кажется, он собирался сказать что-то еще, но вместо этого скривился от стыда – шлепки на кухне теперь стали еще громче. На сиденье у барной стойки лежали газета и несколько пластиковых стаканчиков. Я села рядом, надеясь поддержать разговор с кем-нибудь из посетителей, но Дон Кин внезапно шагнул в мою сторону.

– Наверное, тебе лучше не…

Он осекся и отступил назад. Со стороны туалетов к нам вышел мужчина лет сорока – пятидесяти, в очках, песочного цвета волосы и пивной животик. Да, и еще он был одет в фольгу. С головы до ног. И даже шапочка у него была. Из фольги.

Чувак-в-фольге сел через стул от меня, не тронув газету со стаканчиками, и приветственно кивнул мне, прежде чем я успела уйти.

– Как самочувствие? – спросил он.

– Могло бы быть и получше, – честно ответила я. Я не знала, куда мне смотреть – на его лицо или на серебристо-блестящее тело.

– В такую ночь по улицам не ходят. Плохая ночка.

– Угу, – сказала я, сфокусировав взгляд на его блестящем животе. – Плохая.

– Буксир не нужен?

– Только если поезд оттащить.

Он задумался. Когда кто-то не понимает, что ты шутишь, и задумывается над твоими словами, всегда становится неловко. И тем более если этот кто-то одет в фольгу.

– Поезд слишком большой, – наконец ответил он, мотнув головой. – Буксир – не вариант.

Дон Кин тоже мотнул головой и посмотрел на меня, словно говоря: «Уходи, пока не поздно, меня уже не спасти».

Я улыбнулась и попыталась проявить внезапный и всепоглощающий интерес к меню. Мне казалось, что я непременно должна что-нибудь заказать.

Я снова и снова пробегала по меню глазами, как будто не могла выбрать между вафельным сэндвичем и картофельными оладьями с сыром.

– Угощайся кофе, – сказал Дон Кин, подойдя ко мне и протянув стаканчик. Кофе подгорел и ужасно вонял. По-моему, он был из каких-то древних запасов, но сейчас было не время привередничать. – Ты с поезда? – спросил он.

– Ага, – сказала я, указав на окно. Дон Кин и Чувак-в-фольге обернулись, но снова поднявшаяся метель скрыла поезд из виду.

– Не, – повторил Чувак-в-фольге, – буксир – это не вариант.

Он поправил свои манжеты из фольги, чтобы подчеркнуть сказанное.

– А это помогает? – спросила я, решив наконец заговорить об очевидном.

– Чего?

– Ну, эта штука. Ее ведь бегуны носят после марафона?

– Какая штука?

– Фольга.

– Какая фольга? – спросил он.

После этих слов я решила пренебречь вежливостью и пересела подальше от Дон Кина и Чувака-в-фольге – к окну, рама которого дрожала под напором ветра и снега.

Где-то далеко Шведский Стол был в самом разгаре. Вся еда уже стояла на столе: жуткие окорока, несколько индюшек, тефтели, картошка, запеченная в сметане, рисовый пудинг, печенье, четыре вида соленой рыбы…

Другими словами, звонить Ною сейчас было не время.

Правда, он просил позвонить, когда я доеду. А дальше этого кафе я уже не доеду никуда.

Поэтому я все-таки позвонила ему, и звонок тут же был отправлен на автоответчик.

Я не решала заранее, что и каким тоном скажу, и оставила короткое и, наверное, совершенно непонятное сообщение в стиле «смешно, ха-ха». Я сказала, что застряла в незнакомом городе, у автострады, в «Вафельной», с мужчиной, одетым в фольгу. Только повесив трубку, я поняла, что он подумает, что я очень странно пошутила и к тому же совсем не вовремя его побеспокоила. Мое сообщение наверняка его только раздражит.

Я как раз собиралась перезвонить и серьезным, грустным голосом сказать, что это не шутка… но потом завыл ветер, двери открылись и зашел еще один посетитель. Судя по всему, высокий, стройный юноша, но точно сказать было нельзя. Его голова, руки и ноги были обмотаны полиэтиленовыми пакетами.

Уже двое черт знает в чем вместо одежды. Грейстаун начал меня бесить.

– На Санрайзе машину на обочину вынесло, – сказал юноша, обращаясь ко всем присутствующим. – Пришлось ее бросить.

Дон Кин понимающе кивнул.

– Буксир не нужен? – спросил Чувак-в-фольге.

– Нет, спасибо. Все равно в такую метель мне машину не найти.

Юноша снял с себя пакеты и оказался обычным худощавым парнем с темными мокрыми вьющимися волосами, одетым в чуть великоватые джинсы. Он посмотрел на барную стойку, а потом направился ко мне.

– Можно здесь сесть? – полушепотом спросил он, кивнув в сторону Чувака-в-фольге. Ему тоже явно не хотелось сидеть рядом с ним.

– Конечно, – ответила я.

– Он безобидный, – шепотом сказал парень, – но жутко разговорчивый. Я однажды полчаса с ним болтал. Ему нравятся стаканчики. О них он был готов бесконечно разговаривать.

– Он все время в фольгу одевается?

– Без нее я бы его не узнал. Кстати, меня Стюарт зовут.

– А я… Джули.

– Как ты сюда попала? – спросил он.

– Мой поезд… – сказала я, указав на окно. – Мы застряли.

– И куда же ты ехала? – спросил он.

– Во Флориду, к бабушке с дедушкой. Родители у меня в тюрьме.

Я решила попробовать сказать об этом прямо. Стюарт отреагировал так, как я почти ожидала. Он засмеялся.

– Ты одна? – спросил он.

– У меня есть парень, – сказала я.

Я не всегда такая тупая, честное слово, просто тогда думала о Ное. О своем идиотском сообщении.

Стюарт ухмыльнулся уголком рта, словно пытался удержаться от смеха. Потом побарабанил пальцами по столу и улыбнулся, как будто хотел разрядить обстановку. Нужно было воспользоваться шансом и замять разговор, но я не могла оставить все как есть. Мне нужно было придумать алиби.

– Я сказала это только потому, – начала я, заняв спринтерскую позицию, – что должна была ему позвонить. Но сигнала нет.

Да. Я украла у Джеба его историю. Но, к сожалению, не учла, что мой телефон лежал прямо передо мной, гордо демонстрируя, что связь идеальная.

Стюарт посмотрел на телефон, потом на меня, но ничего не сказал.

Я поняла, что не успокоюсь, пока не докажу ему, что я нормальная.

– То есть сигнала не было. Сейчас появился, – сказала я.

– Наверное, из-за погоды, – сочувственно произнес Стюарт.

– Наверное. Я попробую позвонить, сейчас, быстро.

– Не торопись, – сказал он.

Ну, понятно. Он подсел ко мне только потому, что хотел избежать долгого разговора о стаканчиках с Чуваком-в-фольге. Мы вовсе не были обязаны учитывать друг друга в наших расписаниях дня. Стюарт наверняка радовался тому, что я замяла этот разговор.

Он встал и снял пальто. Под ним оказалась униформа супермаркета «Таргет» и полиэтиленовые пакеты – примерно дюжина, – которые тут же вывалились из внутренних складок. Он собрал их, ничуть не смутившись. В это время мне пришел ответ от автоответчика Ноя, и я посмотрела в окно, пытаясь скрыть свою обиду. Мне вовсе не хотелось жалостливо отвечать на глазах у Стюарта, поэтому я просто сбросила звонок.

Стюарт посмотрел на меня, пожал плечами: «Ничего?» – и сел.

– Они, наверное, заняты Шведским Столом, – сказала я.

– Шведским столом?

– Ной косвенно швед, поэтому его семья устраивает в Рождество Шведский Стол, – сказала я.

Я заметила, как приподнялась его бровь, когда я сказала «косвенно». Я так часто говорю. Это любимое слово Ноя. Я у него научилась. Еще бы не забывать не говорить так на людях. Ну и, кроме того, если хочешь убедить незнакомца в том, что у тебя все дома, говорить при этом «косвенно швед» – плохая идея.

– Ну да, и кто же не любит шведских столов, – признал он.

Пришло время сменить тему.

– Тарше, – сказала я, показав на его футболку. «Таргет», но только будто бы по-французски. Несмешная шутка.

– Именно, – сказал он. – Теперь ты понимаешь, почему я рисковал жизнью, пытаясь добраться до работы. Человек, работа которого так важна, как моя, вынужден рисковать, иначе общество не сможет функционировать. Кстати, тому парню, кажется, срочно нужно позвонить.

Стюарт показал пальцем в окно, и я развернулась. У телефонной будки, окруженной тридцатью сантиметрами снега, стоял Джеб и пытался силой открыть дверь.

– Бедный Джеб, – сказала я. – Одолжу-ка ему телефон, раз связь появилась…

– Это Джеб? Ну да, ты права. Стой… Откуда ты знаешь Джеба?

– Мы вместе в поезде ехали. Он сказал, что ему в Грейстаун. Похоже, дальше он собирается идти пешком.

– Похоже, ему очень нужно позвонить, – сказал Стюарт, убрав в сторону липкий леденец на окне, чтобы получше разглядеть то, что происходит снаружи. – Чего же он тогда не звонит со своего телефона?

– Телефон у него сломался, когда мы врезались.

– Врезались? – повторил Стюарт. – Ваш поезд врезался?

– Ну да, в снег.

Стюарт собирался расспросить меня о поезде, но в эту минуту открылась дверь, и ввалились они. Все четырнадцать. Визжа, вопя и впуская за собой снежинки.

– Боже мой! – воскликнула я.

[глава четвертая]

Нет такой плохой ситуации, которую не могли бы испортить еще сильнее четырнадцать возбужденных черлидерш.

Всего за три минуты скромная «Вафельная» превратилась в новый офис юридической фирмы «Эмбер, Эмбер, Эмбер и Мэдисон». Черлидерши разбили лагерь на стульях в противоположном от нас углу. Некоторые из них молча кивнули мне: «А, так ты жива еще», но в остальном окружающие их совершенно не интересовали.

Что совсем не означало, что они сами не интересовали окружающих.

Когда они вошли, Дон Кин куда-то на секунду испарился. С кухни раздались приглушенные восторженные крики, а потом он снова возник, сияя так, будто на него снизошло Божественное откровение. Я даже устала на него смотреть. Позади него стояли еще двое парней, таких же сияющих.

– Вам что-нибудь нужно, девушки? – весело окликнул Дон Кин.

– Можно нам тут потренироваться в стойке на руках? – спросила Эмбер Первая.

Похоже, ее запястье уже зажило. Крутые они, эти черлидерши. Крутые и безбашенные. Кто еще отважится в метель идти в «Вафельную», чтобы тренировать там стойку на руках? Я сама-то сюда пришла только потому, что хотела уйти от них подальше.

– Делайте что хотите.

Эмбер Первой такой ответ был по душе.

– А можно пол вымыть? Вот тут чуть-чуть? Чтобы мы руки не запачкали? И налейте нам чего-нибудь?

Парень едва не сломал себе лодыжку, пытаясь добраться до кладовки со шваброй.

Стюарт молча наблюдал за происходящим. Он явно обратил внимание на черлидерш, хотя и не смотрел на них с таким восхищением, как Дон Кин и его

друзья. Он наклонил голову набок, как будто пытался решить сложное уравнение.

– Тут сегодня все не как всегда, – сказал он.

– Да, – сказала я. – Я заметила. А куда еще здесь можно пойти? Ну, вроде «Старбакса»?

Его едва не передернуло от слова «Старбакс». Я подумала, что он – противник торговых сетей, хотя это довольно странно для работника «Таргет».

– Они закрыты, – сказал он. – Сейчас почти все закрыто. Ну, может, «Герцог и Герцогиня» еще работает, но это маленький продуктовый. Сейчас Рождество, да еще эта буря…

Стюарт наверняка понял, что я в отчаянии, потому что я начала биться лбом об стол.

– Я пошел домой, – сказал он, подставив руку, чтобы я не смогла себя изувечить. – Пойдешь со мной? Там хоть снега нет. Мама не простит мне, если я не предложу тебе отсюда уйти.

Я задумалась над этим. Холодный, застывший поезд стоял по другую сторону дороги. Я сидела в «Вафельной» с кучей черлидерш и Чуваком-в-фольге. Мои родители гостят у государства в сотнях миль отсюда. А на улице бушевала самая страшная метель за последние полвека. Да, мне нужно было куда-то отсюда уйти.

«Осторожно, незнакомец!» – запустилась бегущая строка в моей голове, и отделаться от нее было очень трудно… хотя в моем случае рисковал как раз этот парень. Это я сегодня походила на психа. И сама себя домой не повела бы.

– Вот, – сказал он. – Маленькое удостоверение личности. Это моя карточка работника «Таргет». Кого попало в «Таргет» работать не берут. А вот водительские права… Имя, адрес, номер страховки, все там… На стрижку не смотри, пожалуйста.

Он вытащил карточки из кошелька, и я заметила в кармашке фотографию – он с девушкой, видимо, на выпускном. Это меня успокоило. Он был нормальным парнем, и у него была девушка. У него даже фамилия была – Вайнтрауб.

– А это далеко? – спросила я.

– Полмили в ту сторону, – сказал он, указав в окно на что-то непонятное – бесформенные белые кучи, которые могли оказаться домами, деревьями или моделями Годзиллы в натуральную величину.

– Полмили?

– Ну, полмили, если напрямик. Если нет, то чуть больше мили. Не так уж далеко. Я мог бы дальше идти, но решил заскочить отогреться, раз уж тут открыто.

– А твои родители точно не будут против?

– Да мама меня шлангом выпорет, если я никому в Рождество не помогу!

Дон Кин перемахнул через барную стойку со шваброй в руке, едва не проткнув ею самого себя, и начал тереть пол у ног Эмбер Первой. Джеб там, на улице, наконец зашел в телефонную будку. Теперь он с головой ушел в собственные проблемы. Похоже, я оставалась одна.

– Ладно. Пойду с тобой, – согласилась я.

Мне показалось, что, кроме Чувака-в-фольге, никто не заметил, как мы встали и ушли. С полным безразличием повернувшись спиной к черлидершам, он салютовал нам, когда мы направились к двери.

– Тебе понадобится шляпа, – сказал Стюарт, когда мы вышли в холодный предбанник.

– Шляпы у меня нет. Я ехала во Флориду.

– У меня тоже нет шляпы. Но есть вот эти штуки…

Он продемонстрировал мне полиэтиленовые пакеты, обмотал один из них вокруг головы и подоткнул так, что эта штуковина стала похожа на странный вздутый тюрбан. Эмбер, Эмбер и Эмбер явно отказались бы напялить на себя пакет… и мне захотелось показать, что я не такая. Я послушно намотала пакет на голову.

– На руки тоже лучше намотай, – сказал он, передав мне еще пару пакетов. – А что делать с ногами – не знаю. Они ведь наверняка замерзли.

Ноги и правда замерзли, но мне почему-то не хотелось, чтобы он думал, будто для меня это невыносимо.

– Нет, – соврала я. – Штаны у меня теплые. И обувь… крепкая. А вот руки я обмотаю, спасибо.

Он удивленно посмотрел на меня:

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Я сама не знала, почему так сказала. Мне казалось, что, сказав правду, я распишусь в собственной слабости.

Открыть дверь мешали ветер и скопившийся снег, и Стюарту пришлось навалиться на нее. Я не знала, что снег может сыпать как из ведра. Я видела снегопады, после которых оставалось сантиметров пять снега, но этот снег был липким и тяжелым, снежинки – размером с пятаки. За пару секунд я промокла до нитки. На нижней ступени я замешкалась, и Стюарт оглянулся, чтобы убедиться, все ли в порядке.

– Эй, ты уверена? – снова спросил он.

У меня был выбор: развернуться и остаться в «Вафельной» или пойти с ним?

Я представила, как трое Мэдисон выстроились в пирамиду прямо посередине зала.

– Да, – сказала я. – Пойдем.

[глава пятая]

Мы обогнули «Вафельную» и пошли по узкой тропинке, ориентируясь по мигающему пунктиру сигнальных фонарей, каждые две секунды разрезавшему мрак. Мы шли прямо посередине улицы – как в фильме про апокалипсис. Минут пятнадцать царила полная тишина. На то, чтобы говорить, требовались силы, которые нужны были для того, чтобы идти вперед, к тому же, если бы мы открыли рты, в них бы попадал морозный воздух.

Каждый шаг был маленьким испытанием. Снег был такой глубокий и липкий, что каждый раз мне приходилось с силой вытаскивать из него ногу. Ноги у меня замерзли так, что я их не чувствовала, а вот пакеты на голове и руках и вправду немного помогали.

Когда мы все-таки набрали темп, Стюарт решился заговорить.

– Так где на самом деле твои родители? – спросил он.

– В тюрьме.

– Да. Ты говорила. Но когда я сказал «на самом деле»…

– Они в тюрьме, – сказала я в третий уже раз. Мне хотелось, чтобы он это запомнил.

Переспрашивать он больше не стал, но задумался над моим ответом.

– Но за что? – спросил он наконец.

– Они… эээ… участвовали в пикете.

– Они что, оппозиционеры?

– Они покупатели. Это был пикет покупателей.

Он остановился как вкопанный:

– Не говори мне, что они участвовали в беспорядках на фирме «Флоби» в Шарлотте.

– Ну да, участвовали, – согласилась я.

– Ни фига себе! Твои родители из Пятерки «Флоби»!

– Из Пятерки «Флоби»? – слабым голосом спросила я.

– У нас на работе весь день только о Пятерке «Флоби» и говорят. Каждый второй клиент их упоминал. И в новостях это весь день показывали…

В новостях? Целый день? Ох, круто. Круто, круто, круто. Знаменитые родители – мечта любой девчонки.

– Пятерку «Флоби» все любят, – сказал он. – Ну, многие. И многие считают их забавными.

Но потом он, должно быть, понял, что то, что случилось, меня не особенно забавляло и именно поэтому я сейчас шла по улицам странного города с пакетом на голове.

– Ты теперь крутая, – сказал он и большими шагами, вприпрыжку обогнал меня. – У тебя же CNN интервью взять захотят! Дочь тех, кто в Пятерке «Флоби»! Ладно, не волнуйся. Я их задержу!

Он изобразил, что отгоняет репортеров и отбивается от папарацци. Это было похоже на сложный танец.

Стюарт и в самом деле немного меня развеселил. Я даже начала ему подыгрывать, закрывая руками лицо от воображаемых вспышек фотоаппаратов. Так продолжалось довольно долго, потому что это отвлекало нас от реальности.

– Это просто смешно, – наконец сказала я, чуть не упав, пытаясь увернуться от воображаемого папарацци. – Мои родители в тюрьме. Из-за керамического домика!

– Ну, это ж лучше, чем если б они кокаином торговали, – сказал Стюарт, снова поравнявшись со мной. – Правда? Наверное, лучше.

– Ты всегда такой веселый?

– Всегда. Это обязательное требование к работникам «Таргет». Я Капитан Весельчак.

– Твоей девушке это, наверное, нравится!

Я сказала так только потому, что хотела показаться умной и наблюдательной, ожидая, что он скажет: «Откуда ты узнала, что я?..» И я скажу в ответ: «Я увидела фотку в твоем кошельке», – и тогда он подумает, что я просто Шерлок Холмс, и я больше не буду казаться ему такой психованной дурочкой, как раньше, в «Вафельной».

(Иногда такого удовольствия приходится подождать, но оно все равно того стоит.)

Вместо этого он резко обернулся, моргнул, а потом решительно зашагал вперед. Прежняя игривость пропала, вид у него теперь был совершенно деловой.

– Уже недалеко, но сейчас нам нужно кое-что решить. Отсюда к моему дому есть два пути. Можно пойти по дороге – это займет еще минут сорок пять. А можно пойти напрямик.

– Напрямик, – тут же ответила я. – Само собой.

– Так гораздо быстрее, потому что дорога делает крюк. Я бы и сам напрямик пошел полчаса назад, когда был один…

– Напрямик, – повторила я.

Я стояла посреди снежной бури, снег и ветер обжигали мне лицо, а руки были обмотаны полиэтиленовыми пакетами. Поэтому я решила, что больше мне ничего знать об этом пути не нужно. Едва ли он был хуже той дороги, по которой мы шли. И если уж Стюарт собирался пойти напрямик один, ничто не мешало ему пойти напрямик со мной.

– Хорошо, – сказал Стюарт. – В общем, если идти напрямик, то нужно зайти за эти дома. Мой дом прямо за ними, ярдах в двухстах. Ну, примерно.

Мы сошли с мигающей огнями дороги и свернули в темный проход между домами. Я достала из кармана телефон, чтобы проверить, не звонил ли Ной. Нет, не звонил. Я постаралась проделать это незаметно, но Стюарт все равно увидел.

– Не звонил? – спросил он.

– Пока нет. Наверное, все еще занят.

– А насчет твоих родителей он знает?

– Знает, – сказала я. – Я от него ничего не скрываю.

– И он тоже? – спросил он.

– И он тоже что?

– Ты сказала, что ты от него ничего не скрываешь, – ответил он, – а не «мы друг от друга ничего не скрываем».

Это еще что за вопрос?

– Это само собой, – быстро ответила я.

– А какой он? Ну, кроме того, что чуточку швед?

– Он умный, – сказала я, – но не заумный, как парни, которые вечно намекают на свой IQ, оценки и все такое. Он не особенно напрягается, и ему на самом деле

плевать, но оценки у него хорошие. Очень хорошие. Так само собой получается. Еще он играет в футбол, участвует в олимпиадах по математике, и у него куча друзей.

Да, я так и сказала. Да, это прозвучало так, будто рекламирую Ноя.

Стюарт снова ухмыльнулся и посмотрел на меня с таким видом, будто изо всех сил сдерживает смех. Но как я должна была ответить? Все мои знакомые знали Ноя. Они знали, кто он такой, какой у него характер. Обычно мне ничего не приходилось объяснять.

– Хорошее резюме, – сказал он, хотя, судя по тону, оно его не очень-то впечатлило. – Но какой он?

Боже! Эта беседа еще долго не закончится.

– Он… ну, такой, как я сказала.

– Нет, какой у него характер? Может, он тайно пишет стихи? Может быть, он танцует, кружась по комнате, когда думает, что его никто не видит? Может, он такой же забавный, как ты? В чем его сущность?

Стюарт наверняка дурачил меня этой своей «сущностью». Хотя мне даже понравилось, что он спросил: «Может, он такой же забавный, как ты?» Мило. Но ответ на все его вопросы один – нет. Ной бывал разным, но уж точно он не был забавным. Обычно он считал забавной меня, но как вы сами могли убедиться, иногда у меня не закрывается рот. Когда такое случалось, Ной уставал от меня.

– Серьезность, – сказала я. – Его сущность – серьезность.

– В хорошем смысле?

– Стала бы я иначе с ним встречаться! Далеко еще?

На этот раз Стюарт понял, что от него требуется, и замолчал. Мы шли молча, пока не дошли до пустыря с парой деревьев. Вдалеке, на вершине холма, стояли дома, сверкавшие праздничными огнями. Снега в воздухе было так много, что

все расплывалось перед глазами. Это было бы даже красиво, если бы снег не жегся так сильно. Руки у меня замерзли до такой степени, что теперь даже казались теплыми.

Вдруг Стюарт остановил меня.

– О’кей, – сказал он. – Сейчас нам нужно перейти через ручей. Только он замерз. Я видел, как на нем люди поскальзывались.

– А он глубокий, этот ручей?

– Не очень. Футов пять.

– И где он?

– Где-то впереди, – ответил Стюарт.

Я вгляделась в белую пелену. Где-то там, впереди, под снегом, таился ручеек.

– Мы можем вернуться, – сказал он.

– Но ты же собирался идти этой дорогой, несмотря ни на что? – спросила я.

– Да, но тебе вовсе не нужно мне ничего доказывать.

– Ничего страшного, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал уверенней, чем было на самом деле.

– Значит, будем идти вперед, и все?

– План такой.

Так мы и сделали. Мы поняли, что дошли до ручья, потому что снег уже не казался таким глубоким, плотным и хрустящим и под ним чувствовалось что-то скользкое.

В этот момент Стюарт снова решил заговорить.

– Вот везет тем ребятам в «Вафельной». Их ждет лучшая ночь в жизни, – сказал он.

В его голосе чувствовался какой-то вызов, как будто он хотел, чтобы я заглотила наживку. Не стоило вестись на эту уловку. Но я повелась.

– Ох, – вздохнула я. – И почему все мальчики такие простые?

– В смысле? – спросил он, искоса посмотрев на меня, и тут же поскользнулся на льду.

– Ну, почему ты говоришь, что им везет?

– Потому что они заперты в «Вафельной» с дюжиной черлидерш.

– Ну вот откуда эти высокомерные фантазии? – сказала я чуть резче, чем хотела. – Неужели вы, мальчики, и правда думаете, что, если в округе хоть один парень отыщется, девочки сразу на него полезут? Что мы готовы наброситься на каждого и наградить сеансом групповых ласк?

– А что, такого не бывает? – спросил он.

Я даже не стала на это отвечать.

– А что плохого в черлидершах? – спросил он, довольный тем, что меня разозлил. – Я не говорю, что мне нравятся только черлидерши. У меня просто нет предубеждений.

– Это не предубеждение, – твердо сказала я.

– Нет? А что тогда?

– Меня раздражает сама идея черлидерш, – сказала я. – Красавицы по бокам спортплощадки, убеждающие парней в том, что они крутые.

– Ты судишь о людях, которых не знаешь, обсуждаешь их внешний вид и делаешь выводы. По мне, похоже на предубеждение, – сказал он.

– Нет у меня никаких предубеждений! – не сдержалась я.

Мы были одни в этом поле. Наверху – оловянно-розовое небо, а вокруг – только силуэты голых деревьев, похожие на тонкие руки, прорывающиеся из-под земли. Белый кружащийся снег, свист ветра и тени домов вдалеке.

– Слушай, – сказал Стюарт, не желая прекращать свою дурацкую игру, – откуда тебе знать, что в свободное время они не работают медсестрами? Или, может, котят спасают или кормят бедных.

– Потому что они не делают ничего такого, – сказала я и обогнала его. Я поскользнулась, но удержала равновесие. – В свободное время они делают эпиляцию воском.

– Ты все выдумываешь, – крикнул он мне в спину.

– Ною мне бы не пришлось объяснять. Он сам бы все понял.

– Знаешь, – спокойно сказал Стюарт, – может, этот Ной и вправду такой чудесный, как ты говоришь, но лично я пока не впечатлился.

Мне все это надоело. Я развернулась и решительно зашагала обратно.

– Ты куда? – спросил он. – Эй, да ладно тебе…

Он пытался сделать вид, что не произошло ничего особенного, но мне все это надоело до чертиков. Я шла быстро, не останавливаясь.

– Обратно далеко идти! – прокричал он, стараясь догнать меня. – Не надо! Я серьезно.

– Прости, – сказала я, стараясь сделать вид, что мне все равно. – Просто я подумала, что мне лучше…

Раздался новый звук. Новый звук на фоне свиста ветра и скрипа снега. Он был похож на треск бревна в костре, и в этом чувствовалась какая-то неприятная ирония. Мы оба застыли. Стюарт бросил на меня тревожный взгляд:

– Не двиг…

И лед ушел у нас из-под ног.

[глава шестая]

Вы, наверное, никогда не проваливались под лед на замерзшем ручье. Вот как это происходит.

1. Вам холодно. Так холодно, что Отдел оценки и регулирования температуры, узнав об этом, заявляет: «Нет, это вы без нас, мы пас», вывешивает табличку «Обед» и возлагает всю ответственность на…

2. Отдел боли и реакции на нее, который, получив из температурного отдела абракадабру, в которой ничегошеньки не понимает («А наше ли это дело?»), начинает жать на все кнопки подряд, вызывая у вас странные ощущения и подключая к работе…

3. Отдел замешательства и паники, где всегда найдется тот, кто готов по первому же звонку подойти к телефону. В этом отделе только и ждут, чтобы взяться за работу. Всем известно – в Отделе замешательства и паники обожают нажимать на кнопочки.

Из-за этой бюрократической неразберихи в наших головах мы со Стюартом в первую секунду оказались неспособны что-либо сделать.

Когда мы немного пришли в себя, я смогла осознать, что происходит. Хорошие новости – мы ушли в воду только по грудь. Ну, не мы, а я. Я ушла в воду по грудь, а Стюарт – по середину живота. Плохие новости – мы провалились в дыру во льду, а выбраться из дыры во льду сложно, если ты застыл от холода. Мы оба пытались выкарабкаться, но лед ломался всякий раз, когда мы пытались за него

ухватиться.

– О’кей, – дрожа, произнес Стюарт. – Х-х-холодно тут. И с-стремно.

– Да? Серьезно? – сказала я и закричала. Только воздуха в легких на то, чтобы закричать, у меня не хватило, поэтому вместо крика я издала какое-то шипение.

– Мы д-д-должны его с-с-сломать, – сказал Стюарт.

Мне эта идея тоже приходила в голову, но было приятно слышать, что он произнес это вслух. Мы оба начали ломать лед, работая окоченевшими руками, как роботы, пока не добрались до толстой корки. Вода здесь была не такая глубокая, но все равно не по щиколотку.

– Я тебе помогу, – предложил Стюарт, – подсажу снизу.

Когда я попыталась пошевелить ногой, она не сразу согласилась мне подчиниться. Ноги у меня онемели так, что отказывались шевелиться. Когда я наконец смогла закинуть коленку на лед, руки Стюарта уже слишком замерзли, и поддерживать меня он не мог.

Получилось не сразу, но я все-таки выкарабкалась на лед и вытащила Стюарта. На льду я сделала важное открытие – оказывается, он скользкий, и поэтому на него невозможно опереться, чтобы подняться, особенно если руки обмотаны мокрыми пакетами. Как ни странно, в ручье было намного лучше, чем на суше. Не так холодно.

– Эт-то… н-не-д-д-д-дал-е-к-к-о, – простучал зубами Стюарт.

Я едва поняла, что он хотел сказать. Мне казалось, что мои легкие вибрируют.

Стюарт схватил меня за руку и потащил к дому на холме. Если бы он меня не тащил, я бы не смогла подняться на холм.

Я еще никогда в жизни не радовалась так тому, что увидела дом. Он был окутан слабым зеленоватым свечением, и на нем мигали красные лампочки. Задняя дверь была открыта, и мы вошли в рай. Этот дом вовсе не был

сногсшибательным, но в нем было тепло и пахло печеньем, жареной индюшкой и елкой.

Стюарт тащил меня за руку до тех пор, пока мы не дошли до двери, которая, как оказалось, вела в ванную со стеклянной душевой кабиной.

– Вот, – сказал он, втолкнув меня внутрь. – Горячий душ. Живо.

Он захлопнул дверь и убежал. Я сразу же сняла всю одежду – из-за снега, воды и грязи она страшно потяжелела – и открыла дверцы кабины. Потом я открыла воду, и вскоре кабина наполнилась паром. Несколько раз температура воды менялась, наверное потому, что Стюарт в это время тоже где-то принимал душ.

Я выключила воду только тогда, когда она стала холодной.

Выйдя из кабины, я заметила, что моя одежда пропала – кто-то незаметно для меня вынес ее из ванной. На ее месте лежали два больших полотенца, брюки, свитер, носки и тапочки. Вся одежда, кроме теплых розовых носков и белых пушистых изношенных тапочек, была мужской.

Я схватила первое, что попалось под руку – это оказался свитер, – и прижала его к телу, хотя была в ванной одна. Но ведь кто-то заходил сюда. Кто-то убрал мою одежду, заменив ее другой, сухой. Неужели Стюарт зашел в ванную, пока я мылась? Неужели он видел меня нагишом? Хотя не все ли равно?

Я быстро оделась в то, что мне оставили. Затем приоткрыла дверь и выглянула.

Кухня казалась пустой. Я открыла дверь пошире, и из ниоткуда вдруг возникла женщина средних лет с кудрявыми светлыми волосами, которые выглядели так, будто она пережгла их, когда пыталась покраситься дома. На ней был свитер с изображением двух обнимающихся коал в колпаках, как у Санта-Клауса. Но сейчас меня волновало только то, что в руках у нее была кружка с горячим напитком.

– Бедняжка! – сказала она. Оказалось, что она жутко громкая – таких женщин слышно даже с другого конца автостоянки. – Стюарт на втором этаже. А я его мама.

Я приняла кружку из ее рук. Окажись в ней горячий яд, я бы его все равно выпила.

– Бедняжка, – повторила она. – Не бойся, мы тебя отогреем. Прости, что не нашлось ничего по размеру. Это одежда Стюарта, другой чистой я не нашла. А твои вещи в стирке. Пальто и обувь сушатся на батарее. Если нужно кому-то позвонить, звони. Даже в другой город, ничего страшного.

Так я познакомилась с мамой Стюарта («Зови меня Дэбби»). Мы были знакомы всего секунд двадцать, а она уже видела мое нижнее белье и предлагала мне одежду своего сына. Она тут же усадила меня за кухонный стол и начала доставать из холодильника бесчисленные тарелки с едой, покрытые пищевой пленкой.

– Мы уже поужинали, пока Стюарт был на работе, но я приготовила много еды! Очень много! Ешь, ешь!

Еды и правда было много: индюшка с пюре, гарнир, фарш, все как положено. Мама Стюарта выставила все это на стол и настойчиво предлагала мне большую тарелку горячего куриного супа с клецками. К этому времени я уже проголодалась как волк.

В дверях появился Стюарт. Как и я, он был тепло одет: фланелевые пижамные штаны и растянутый свитер. Не знаю… может быть, дело было в чувстве благодарности, может быть, в том, что я радовалась жизни, а может, в том, что у него на голове больше не было пакета… но он показался мне симпатичным, и уже совсем не раздражал.

– Поможешь Джули устроиться на ночлег? – спросила Дэбби. – Не забудь выключить елку в гостиной, чтобы она не мешала ей спать.

– Извините… – сказала я.

Только теперь я поняла, что свалилась им на голову в Рождество.

– Нет-нет, не извиняйся! Я очень рада, что ты пришла! Мы о тебе позаботимся. Не забудь о том, что ей нужно одеяло, Стюарт.

– Будет ей одеяло, – уверил он.

– Да ей же оно сейчас нужно! Посмотри, она же замерзла! Да и ты тоже. Садись здесь.

Дэбби деловито убежала. Стюарт поднял брови, как бы говоря: «Это не скоро закончится».

Вскоре его мама вернулась с двумя шерстяными одеялами и укутала меня в одно из них, темно-голубое, укутала так, что мне стало сложно двигать руками.

– Хочешь горячего шоколада? – спросила она, обращаясь к сыну. – Или супа?

– Нет, спасибо, мам, – ответил Стюарт.

– Домашний куриный супчик не хуже пенициллина, а вы ведь оба так замерзли…

– Нет, спасибо, мам.

Дэбби посмотрела на мою опустевшую тарелку, налила в нее еще супа и поставила в микроволновку.

– Покажи ей, где что у нас находится, Стюарт. Если ночью тебе что-нибудь понадобится, бери, не стесняйся, – обратилась она ко мне. – Устраивайся как дома. Теперь ты одна из нас, Джули.

Я была благодарна за такое отношение, но подумала, что выразилась она очень странно.

[глава седьмая]

Когда Дэбби ушла, мы со Стюартом принялись сосредоточенно уплетать еду в полной тишине. Мне, правда, показалось, что она и не уходила – я не слышала удаляющихся шагов. Да и Стюарт то и дело оборачивался – видимо, он тоже

ощущал присутствие мамы.

– Суп восхитительный, – сказала я, потому что подумала, что, если это услышит Дэбби, ей будет приятно. – Никогда в жизни такого не ела. Наверное, это все клецки…

– А, ну ты же не еврейка, да? – сказал он, встал и закрыл дверь. – Это шарики из мацы.

– А ты еврей?

Стюарт приподнял палец, веля мне помолчать. Потом немного повозился у двери, прислушиваясь. Снаружи раздались быстрые шаги, как будто кто-то на цыпочках побежал по лестнице.

– Извини, – сказал он. – Мне показалось, что мы не одни. Мыши, наверное. Да, у меня мама еврейка, так что технически я тоже еврей. Но она любит Рождество. По-моему, она его празднует, чтобы вписаться в общество. Правда, немного перебарщивает иногда.

Кухня была украшена к празднику. Полотенца, магнитики на холодильнике, занавески, скатерть… Здесь все напоминало о Рождестве.

– Заметила искусственный остролист у дверей? – спросил Стюарт. – Если так и дальше пойдет, не бывать нашему дому на обложке «Еврейства Юга».

– Тогда почему…

Он пожал плечами.

– Ну, все же так делают, – сказал он, сложил вдвое еще один ломтик индейки и проглотил его. – Особенно здесь. Не сказать, что тут активная еврейская диаспора. У нас в школе на занятиях по ивриту было всего два человека: я и еще одна девочка.

– Твоя девочка?

По лицу Стюарта словно волна пробежала – он наморщил лоб и скривил рот. Я подумала, что он с трудом сдерживает смех.

– То, что нас только двое, не означает, что мы – пара. Никто же не говорил нам «Ладно, еврейчики! Танцуйте!» Нет, она не моя девочка.

– Извини, – быстро проговорила я.

Я уже второй раз упомянула про его девушку, пытаясь показать свою наблюдательность, и он во второй раз отмахнулся. Всё. Больше ни слова. Ясно же, что он не хочет о ней говорить.

Это было немного странно… с виду Стюарт был из тех мальчиков, которые готовы говорить о своих девушках по семь часов кряду.

– А, ничего. – Он снова потянулся за индейкой. – Наверное, соседям нравится, что мы здесь живем. Ну, мы вроде как украшение этого места. У нас тут есть детская площадка, эффективная система переработки отходов и две еврейские семьи.

– И правда странно, – сказала я, взяв в руки солонку в форме снеговика, – у вас столько рождественских украшений!

– Наверное. Но это же просто праздник, ты же понимаешь? Все настолько понарошку, что ничего такого в этом нет. Мама готова праздновать что угодно. Родственники удивляются, что мы ставим елку, но елка – это же здорово! Она не связана с религией.

– Ну да. А что думает твой папа? – спросила я.

– Понятия не имею. Он с нами не живет.

Стюарта это, похоже, совсем не беспокоило. Он побарабанил пальцами по столу, чтобы закрыть тему, и встал.

– Я принесу подушки и еще одеял, – сказал он. – Сейчас вернусь.

Я встала и прошла в гостиную. Там были две елки: маленькая, у окна, и еще одна, большая, почти трехметровая, в углу; она почти согнулась под весом самодельных украшений, гирлянд и серебристой мишуры.

Чуть ли не большую часть гостиной занимал открытый рояль. На подставке стояли ноты с пометками, сделанными ручкой. Я ни на чем не играю, поэтому мне любые ноты кажутся китайской грамотой, но эти явно были еще сложнее обычного. Кто-то здесь хорошо разбирается в музыке. И этот рояль точно не был «мебелью».

Но сильнее всего мое внимание привлекло то, что стояло на рояле. Деревня Санта-Флоби, обвитая гирляндой! Она была гораздо меньше нашей, но самая настоящая.

– А что это такое, ты наверняка и сама знаешь, – сказал Стюарт, спустившись по лестнице с ворохом подушек и одеял в руках.

Да уж, знаю. У них было пять домиков: кафе «Весельчаки», магазин жвачки, праздничная лавка дядюшки Фрэнка, эльфетерий и кафе-мороженое.

– У вас их, наверное, больше, – сказал он.

– Ну да, у нас их пятьдесят шесть.

Он одобрительно свистнул и потянулся к переключателю, чтобы зажечь в домиках свет. У них не было такой хитроумной системы, как у нас, чтобы включалось все сразу, и поэтому, чтобы домики ожили, ему пришлось щелкать переключателем по очереди.

– Мама думает, что они чего-то стоят, – сказал он. – Обращается с ними как с драгоценностями.

– Все мамы так думают, – посочувствовала я и окинула домики взглядом эксперта. Обычно я об этом не распространяюсь, но по понятной причине о Деревне Санта-Флоби я знала довольно много. – Ну, – сказала я, показав пальцем на «Весельчаков», – вот этот кое-чего стоит. Видишь, он кирпичный, и тут вокруг окон зеленое? Это значит, что домик – первого поколения. В следующем году

они покрасили подоконники в черный…

Я осторожно взяла домик и осмотрела основание снизу.

– Номера нет, – сказала я, – но любой домик первого поколения с заметными отличиями – уже что-то. К тому же «Весельчаков» сняли с производства пять лет назад, поэтому они сейчас немного подорожали. Этот домик можно было бы продать долларов за четыреста, только у него, кажется, труба отвалилась. Видно, что приклеена.

– А, ну да. Это моя сестра натворила.

– У тебя есть сестра?

– Ага, Рейчел. Ей пять. Не волнуйся, ты с ней еще познакомишься. Так это же круто, правда?

– По-моему, круто – неподходящее слово. Скорее грустно.

Он выключил в домиках свет.

– А кто у вас играет на рояле? – спросила я.

– Я. Это мой талант. Ну, у всех же есть хоть какой-нибудь талант.

Стюарт скорчил дурацкую рожу, и я засмеялась.

– Зря ты себя недооцениваешь, – сказала я. – В университетах любят людей со способностями к музыке.

Боже, это прозвучало так… ну, так, будто я все делаю только для того, чтобы потом понравиться кому-нибудь в университете. Я с ужасом поняла, что процитировала Ноя. Раньше я и не задумывалась о том, как противно звучит эта фраза.

– Извини, – сказала я. – Я устала.

Он отмахнулся от моих слов, будто мне не нужно было ни объясняться, ни извиняться.

– Мамы тоже любят, – сказал он. – И соседи. Я тут вроде ученой обезьянки. К счастью, мне играть нравится, так что ничего страшного. Ладно… устраивайся на диване и…

– Да, спасибо, – сказала я. – Здорово. Спасибо, что позволили мне остаться.

– Не за что.

Он развернулся, чтобы уйти, но остановился у лестницы.

– Слушай, – сказал он, – извини. Я вел себя как козел по пути сюда. Просто…

– Я знаю. Это все метель, – сказала я. – Мы замерзли, у нас было дурное настроение. Не переживай. Ты тоже меня извини. И спасибо.

Вид у него был такой, будто он собирался сказать что-то еще. Но вместо этого он просто кивнул и стал подниматься. Прежде чем исчезнуть, он спустился на пару ступеней вниз, перегнулся через перила и сказал:

– С Рождеством!

И тут меня накрыло, даже в глазах защипало. Я скучала по родителям. Я скучала по Ною. Я скучала по дому. Эти люди сделали для меня все что могли, но они не были мне родными. Стюарт не был моим бойфрендом.

Я два часа лежала, ворочаясь на диване и слушая, как где-то наверху храпит собака (наверное, это была собака) и отсчитывают секунды часы.

Я больше не могла это терпеть.

Мой телефон лежал в кармане пальто, поэтому я стала искать свою одежду. Она обнаружилась в прачечной. Пальто висело на батарее. Судя по всему, моему телефону не понравилось купаться в холодной воде. Экран даже не засветился. Неудивительно, что Ной до меня не дозвонился.

Телефон у них стоял на кухонной стойке. Я тихо подошла к нему, сняла трубку и набрала номер Ноя. Он ответил после четвертого звонка. Голос был глухой, усталый и какой-то растерянный.

– Это я, – прошептала я.

– Ли? – прохрипел он. – Который час?

– Три часа ночи, – ответила я. – Ты мне так и не перезвонил.

Он принялся крякать и хмыкать, будто пытался собраться с мыслями.

– Прости. Я весь вечер был занят. Шведский Стол, то, другое. Ты же знаешь мою маму. Поговорим завтра? Я тебе позвоню, как только мы закончим разворачивать подарки.

Я молчала. Я попала в самую сильную метель за год – за много лет, – я провалилась под лед, мои родители сидели в тюрьме… и он все равно отказывался со мной поговорить?

Но… у него выдалась сложная ночь, и я не видела смысла рассказывать о том, что со мной произошло, полусонному человеку. Люди едва ли способны сочувствовать тем, кто их разбудил, а я нуждалась в сочувствии.

– Конечно, – сказала я. – До завтра.

Я вернулась в гостиную и снова залезла в свою пещеру из подушек и одеял. У них был незнакомый запах. Не противный – просто какой-то сильный отбеливатель.

Иногда я совершенно не понимала Ноя. В такие минуты мне казалось, что он встречается со мной для галочки в какой-нибудь анкете: «У вас есть неглупая подруга, разделяющая ваши устремления и готовая к тому, что вы не сможете уделять ей много времени? Она любит слушать, как вы часами говорите о своих достижениях?»

Нет. Я просто перепугалась и замерзла. Я просто попала в странное место. Я просто нервничала, потому что мои родители попали в тюрьму из-за керамических домиков. Мне нужно выспаться – и все встанет на свои места.

Я закрыла глаза, и весь мир показался мне снежным круговоротом. Голова кружилась, и начало немного подташнивать, а потом я крепко-крепко уснула, и мне снились сэндвичи и черлидерши, садящиеся на шпагат на столах.

[глава восьмая]

Утро явилось ко мне в обличье пятилетней девочки, прыгавшей у меня на животе. Она с такой силой давила на меня, что у меня глаза выпучились.

– Как тебя зовут? – весело спросила девочка. – Меня – Рейчел!

– Рейчел! Перестань прыгать! Она же спит!

Это был голос мамы Стюарта.

Рейчел оказалась жутко веснушчатым мини-Стюартом с улыбкой до ушей и взъерошенными со сна волосами. От нее едва заметно пахло колечками Cheerios, и ей явно не помешало бы вымыться. Дэбби стояла рядом с кружкой кофе в руках. Она включила Деревню Санта-Флоби. Откуда-то со стороны кухни вышел Стюарт.

Я ненавижу просыпаться и обнаруживать, что чуть ли не целая толпа глазеет на то, как я сплю. Но, к сожалению, со мной такое часто бывает. Я ужасная соня. Я однажды проспала пожарную тревогу. Дрыхла три часа. Правда, в собственной спальне.

– Мы пока не станем открывать подарки, – сказала Дэбби. – Просто перекусим и побеседуем с утра.

Она явно решилась на этот шаг ради меня, потому что для меня у них подарков не было. Лицо Рейчел стало похоже на переспелый фрукт, готовый распасться

пополам. Стюарт посмотрел на маму, как бы спрашивая: «Ты уверена, что это хорошая идея?»

– Ну, для Рейчел мы сделаем исключение, – быстро добавила она.

Удивительно, как быстро у детей меняется настроение. Я и чихнуть бы не успела, а полное отчаяние на веснушчатом личике уже сменилось восторгом.

– Нет, – сказала я. – Лучше вы и свои откройте.

Дэбби решительно мотнула головой и улыбнулась.

– Мы со Стюартом подождем. Иди умойся перед завтраком.

Я прошмыгнула в ванную и уставилась на себя в зеркало. Волосы у меня выглядели так, будто я собиралась устроиться в цирк, кожа покраснела и шелушилась. Я попыталась привести себя в порядок при помощи холодной воды и мыла, но получилось не очень.

– Хочешь позвонить родителям? – спросила Дэбби, когда я вышла из ванной. – Поздравить с праздником?

Тут мне пришлось обратиться за помощью к Стюарту.

– Ты только не падай, – сказал он. – Ее родители из Пятерки «Флоби».

Тайное стало явным. Но Дэбби это совершенно не смутило. Наоборот, ее глаза заблестели, как будто она познакомилась со знаменитостью.

– Твои родители участвовали в протесте? – спросила она. – Ох, почему же ты сразу не сказала? Я обожаю Деревню Санта-Флоби! Какая глупость – арестовывать людей! Им обязательно должны разрешить поговорить с дочерью! В Рождество! Они же никого не убивали, в конце концов!

Стюарт посмотрел на меня, как бы говоря: «Вот видишь!»

– Я даже не знаю, в какой они тюрьме, – сказала я.

И мне сразу стало стыдно. Родители томятся где-то в тюрьме, а я даже не знаю где именно.

– Ну, это легко узнать. Стюарт, посмотри в Интернете, в какой они тюрьме. В новостях наверняка говорили.

Стюарт тут же вышел из комнаты со словами «Будет сделано».

– Стюарт в этом настоящий мастер, – сказала его мама.

– В чем?

– Ой, да он что угодно в Интернете найти может.

Дэбби, как и многие другие мамы, еще не поняла, что любой может отыскать в Интернете что угодно, для этого вовсе не обязательно быть волшебником. Но я ей об этом не сказала, потому что не люблю намекать людям на то, что они не понимают простых вещей.

Стюарт вернулся, добыв нужную информацию, и Дэбби набрала номер.

– Я заставлю их разрешить тебе поговорить с родителями, – сказала она, прикрыв трубку рукой. – Они еще не знают, какая я настой… а, здравствуйте!

Кажется, звонку Дэбби были не рады, но Дэбби их приструнила. Сэму бы это понравилось.

Она протянула мне телефон и, улыбаясь, вышла из кухни. Стюарт взял на руки извивающуюся Рейчел и вынес ее из комнаты.

– Джубили? – сказала мама. – Доченька, ты как? Добралась до Флориды? Как бабушка и дедушка? Ох, доченька…

– Нет, я не во Флориде. Туда поезд не доехал. Я в Грейстауне.

– В Грейстауне? Не доехал? Ох, Джубили… Где ты? Еще в поезде? Все хорошо?

Мне не хотелось рассказывать маме все, что случилось за последние сутки, поэтому я решила говорить коротко:

– Поезд застрял. Пришлось сойти. Я встретила новых знакомых. Сейчас я у них дома.

– У знакомых? – В голосе мамы прозвучали нотки волнения, которые говорили о том, что она подумала, уж не попала ли я к насильникам или наркодилерам. – У каких знакомых?

– У хороших знакомых, мам. У мамы с двумя детьми. У них есть Деревня Санта-Флоби. Не такая большая, как у нас, но некоторые домики совпадают. У них есть магазин жвачки с полным прилавком. И лавка дядюшки Фрэнка. И даже кафе «Весельчаки» первого поколения.

– Вот как, – с облегчением произнесла мама.

По-моему, мои родители считали, что коллекционерами домиков «Флоби» могут быть только порядочные люди. Социопаты не стали бы любовно выставлять малюсеньких пряничных человечков в витринах лавки. Хотя именно это многим казалось признаком неуравновешенности. Наверное, кто для одного – псих, тот для другого – образец здравомыслия. Я подумала, что очень находчиво описала Стюарта (хотя о нем и не было речи) как «одного из двух детей», а не как «какого-то парня с пакетами на голове, которого я встретила в “Вафельной”».

– Ты все еще там? – спросила мама. – А что с поездом?

– По-моему, он все еще на путях. Вчера он врезался в сугроб, и отопление и электричество отключили. Поэтому мы и сошли.

Я снова здорово придумала – сказать «мы», а не «я одна плелась по автостраде в метель». И я не соврала. Джеб с Эмберами и Мэдисонами сошли с поезда сразу после того, как я проторила им дорогу. В шестнадцать лет за своими словами нужно следить со строгостью гениального дипломата.

– Как ты там в…

Как спросить у мамы, хорошо ли ей в тюрьме?

– Неплохо, – смело сказала она. – Ох, Джули, доченька! Мне так жаль… Мы не хотели…

Я слышала, что она вот-вот разрыдается, а это означало, что и я скоро разрыдаюсь, если ее не остановлю.

– У меня все хорошо, – сказала я. – Обо мне тут очень заботятся.

– Можно с ними поговорить?

«С ними» означало «с Дэбби», поэтому я позвала ее. Она взяла трубку, и они поговорили как мама с мамой: ну, в стиле «ох уж эти дети». Дэбби говорила с мамой очень убедительно, и, слушая ее, я поняла, что завтра она меня точно никуда не отпустит.

Я слышала, как она решительно отвергла идею о том, что мой поезд скоро сможет тронуться с места и я наконец доеду до Флориды.

– Не волнуйтесь, – сказала она моей маме, – мы позаботимся о вашей дочке. У нас много вкусной еды. Мы ее накормим и отогреем, а там все и образуется. Она хорошо проведет праздники, я вам обещаю. А потом мы отпустим ее домой.

Пауза, за которой скрывался высокий голос мамы, высказывающей искреннюю сестринскую благодарность.

– Что вы, она нас вовсе не беспокоит! – продолжила Дэбби. – Она просто чудесная гостья! Да и разве не для того нужны праздники, чтобы принимать гостей? Берегите себя. Мы, коллекционеры «Флоби», очень переживаем за вас.

Повесив трубку, Дэбби промокнула глаза и записала номер телефона в «Эльфийском списке», прикрепленном к холодильнику.

– Мне нужно позвонить насчет поезда. Если можно, – сказала я.

К телефону никто не подошел, наверное, из-за праздников, но автоответчик предупредил меня, что ожидаются «значительные задержки». Пока голос перечислял, что и зачем я могу нажать, я выглянула в окно. Все еще шел снег, сильный, но уже не похожий на конец света.

Дэбби ненадолго задержалась в кухне, но потом вышла. Я набрала номер Ноя. Он взял трубку после седьмого гудка.

– Ной! – сказала я полушепотом. – Это я. Я…

– Привет! – сказал он. – Слушай, мы тут как раз собирались завтракать.

– У меня была тяжелая ночь, – сказала я.

– Ох. Очень жаль, Ли. Слушай, я тебе скоро перезвоню, ладно? Номер у меня есть. С Рождеством!

Он не сказал «Я люблю тебя». Не сказал «Мой праздник без тебя испорчен». Теперь уже я была готова разрыдаться. Слезы душили меня, но мне не хотелось выглядеть плаксой, рыдающей из-за того, что с ней не может поговорить мальчик… даже несмотря на то, что моя ситуация была не совсем обычной.

– Конечно, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Пока. С Рождеством.

А потом побежала в ванную.

[глава девятая]

Не вызывая подозрения, долго в ванной не просидишь. Через полчаса люди уже начинают недоумевать и пялиться на дверь. А я просидела там точно не меньше получаса, в закрытой душевой кабине, рыдая в полотенце с надписью «Пусть идет снег!»

Да, пусть идет снег. Пусть идет снег, и пусть он похоронит меня под собой. Очень смешно, Жизнь.

Я немного боялась выходить, но когда все же вышла, то обнаружила, что на кухне никого, хотя ее успели немного прибрать к празднику. На столе горела рождественская свеча, весело пел Бинг Кросби, а на кухонной стойке ждали торт и дымящийся кофейник со свежим кофе. Дэбби вышла из прачечной, дверь в которую была прямо рядом с плитой.

– Я послала Стюарта к соседям, одолжить комбинезон для Рейчел, – сказала она. – Из нашего она уже выросла, а у соседей есть комбинезон как раз нужного размера. Он скоро вернется.

Она понимающе кивнула мне: «Я знаю, тебе нужно немного побыть одной. Я об этом позаботилась».

– Спасибо, – сказала я, усаживаясь за стол.

– Я говорила с твоими бабушкой и дедушкой, – добавила Дэбби. – Номер мне твоя мама дала. Они волновались, но я их успокоила. И ты не волнуйся, Джубили. Я знаю, что праздники – время тяжелое, но мы попытаемся, чтобы этот стал для тебя особенным.

Мама сказала ей мое настоящее имя. Дэбби тщательно выговорила его, словно хотела показать мне, что запомнила его, доказать свою искренность.

– Я всегда рада праздникам, – сказала я. – Мне еще ни разу не было скучно.

Дэбби налила мне кофе, поставила передо мной галлон молока и огромную сахарницу.

– Я понимаю, что тебе сейчас нелегко, – сказала она, – но я верю в чудеса. Знаю, звучит глупо, но правда верю. И, по-моему, то, что ты гостишь у нас, тоже маленькое чудо.

Наливая молоко в кофе, я засмотрелась на нее и чуть не налила через край. В ванной я заметила табличку «Обнимашки – здесь!». Дэбби была доброй, но до

смешного сентиментальной, хотя в этом нет ничего плохого.

– Ну, спасибо… – сказала я.

– Я к тому, что… Стюарт сейчас выглядит счастливее, чем… Наверное, мне не стоит об этом говорить, но… Он тебе, наверное, уже говорил. Он всем рассказывает, а вы, кажется, нашли общий язык, и…

– Говорил про что?

– Про Хлою, – сказала она, широко раскрыв глаза. – Не говорил?

– Какую Хлою?

Дэбби ответила только после того, как отрезала мне большой кусок торта. Очень большой. Размером с седьмую книжку про Гарри Поттера. Таким можно было бы оглушить грабителя. Но когда я его попробовала, то подумала, что размер в самый раз. С сахаром и маслом Дэбби творила чудеса.

– Хлоя, – прошептала она, – была девочкой Стюарта. Они расстались три месяца назад, и он… он такой нежный мальчик… для него это был большой удар. Она ужасно с ним поступила. Ужасно. Вчера вечером, когда ты сидела рядом с ним, я впервые за долгое время узнала в нем прежнего Стюарта.

– Я… что?

– У Стюарта очень доброе сердце, – продолжила она, не обращая никакого внимания на то, что я застыла с куском торта около рта. – Когда папа Стюарта и Рейчел, мой бывший муж, бросил нас, Стюарту было всего двенадцать. Но видела бы ты, как он помогал мне, как возился с Рейчел. Он очень хороший мальчик.

Я не знала, что сказать. Было ужасно неловко обсуждать с мамой Стюарта его расставание с девушкой. Говорят, что мама – лучший друг мужчины. Это неправда. Мама – лучшая сваха мужчины. И это не случайно.

Хуже того – если могло быть хуже, а выходит, что могло… Я была бальзамом, заживляющим раны ее сына. Ее рождественским чудом. Она собиралась держать меня здесь вечно, кормить тортом и одевать в безразмерные свитеры. Я стала бы Невестой Флоби.

– Ты ведь в Ричмонде живешь, да? – не умолкала она. – Это два-три часа езды отсюда, да?

Я уже собиралась снова запереться в ванной, но в этот момент в дверях появилась Рейчел. Шаркая тапочками, она подошла ко мне, забралась мне на колени и посмотрела прямо в глаза. Ей все еще не мешало бы вымыться.

– Что случилось? – спросила она. – Почему ты плачешь?

– Она скучает по родителям, – сказала Дэбби. – Потому что не может провести с ними Рождество из-за метели.

– Мы о тебе позаботимся, – сказала Рейчел, взяв меня за руку. Таким милым голоском – «хочешь, я расскажу тебе секрет» – разговаривают только маленькие дети. Но после слов ее мамы это прозвучало несколько угрожающе.

– Очень мило, Рейчел, – сказала Дэбби. – Пойди почисти зубы, как большая девочка. Вот Джубили чистит зубы!

Чищу, но не почистила. Не захватила с собой щетку. Я была явно не в форме, когда собирала вещи.

Я услышала, как открывается входная дверь, и минуту спустя в кухню вошел Стюарт с зимним комбинезоном в руках.

– Я только что просмотрел двести фоток в цифровой рамке, – сказал он. – Двести. Миссис Хендерсон очень хотела, чтобы я оценил, что в нее вмещается двести фоток. Я уже говорил, что их было двести?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhon-grin/loren-mirakl/morin-dzhonson/pust-idet-sneg-10331747/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: https://tellnovel.com/ru/loren-mirakl/pust-idet-sneg-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить